
ИССЛЕДОВАНИЯ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

А. А. ГОРЕЛОВ

*ИВАН ГРОЗНЫЙ В СБОРНИКЕ
КИРШИ ДАНИЛОВА*

В истолковании судьбы и трактовке личности Кирши Данилова — знаменитого певца, в котором историки культуры справедливо видят носителя огромного личного репертуара, составившего первую русскую антологию народных эпических и лирических песен, наблюдается обновление: трудами фольклористов и историков выявлены уникальные свидетельства того, что мастер кричной обработки железа был штатным певцом-музыкантом на службе заводчиков Демидовых.

Документы показывают нам его и в занятиях бытовыми ремеслами (чеботарь), и в сфере его духовного мира, и в разноликой повседневности. Это побуждает к заинтересованным прочтениям всего фонда текстов «Древних российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым» с целью выявить складывавшиеся ранее и полученные свежими разысканиями представления о певце-сказителе, быть может, «подстраховав» те и другие дополнительными аргументами и развеивая откровенные гипотезы. Не лишне увериться, достаточно ли надежны давние наблюдения, бывшие основанием и опорой известных устоявшихся умозаключений.

Возвращение к прежним концепциям и введение новых мотивировок не могут миновать, в частности, рассмотрения особенных тяготений певца-музыканта к историческому знанию, приходившему к нему не только в формах поэтической, но и явно книжной хроникальной историографии.

Исследователи Сборника Кирши Данилова постоянно, настойчиво говорили и говорят о наличии у составителя книги (т. е. у носителя сложного репертуара, представленного книгой «Древних российских стихотворений») пристрастия к песенным «памятям» об исторических событиях, а «памяти» эти суть прежде всего песни историко-эпического ряда (былины) и песни собственно исторические, возникшие по мотивам разнослойной истории Руси. В стихии бытовой лирики Сборника также очевидны исторические вкрапления, разноликие «междометия»-историзмы, красноречивые в своей субъективно-личностной однородности.

Приложивший много усердия к изучению и комментированию Сборника Б. Н. Путилов доказательно считал, что лицо бесценного памятника народной культуры — памятника смешанного устно-поэтического и письменного извода определила доминировавшая ориентация создателя книги на объединение произведений «русской народной исторической поэзии». Оттого К. Данилов не только зафиксировал внушительную часть известных ему песенных текстов названного разряда, безусловно поражая своих современников-слушателей, а затем и читателей антологии способностью вмещать в памяти бездну сведений по истории событий и людей, «бережно» сохраняя в песнях «все фактические подробности, имена, географические названия и т. д.». Подчас он «сознательно» усиливал «эту сторону за счет дополнительного непесенного материала».¹

Противостояния данной точке зрения практически не было.

Тезис Б. Н. Путилова о сознательном внесении певцом в тексты известных ему или создававшихся им произведений исторических сведений был поддержан, а в ряде моментов и конкретизирован его современниками, в том числе автором настоящих заметок, расценившим в 1961 г. три произведения о Ермаке «Покрай моря синяго стоял Азов-город», «На Бузане-острове», «Ермак взял Сибирь» как устно-письменную трилогию (1961 г.).

Выявление специфики былинно-песенных редакций и трактовок сюжетов в Сборнике повело к накоплению дополнительных данных в пользу того, чтобы считать составителя уникальной «народной книги» не только профессионалом-певцом, носителем представленного в ней репертуара (повторим: репертуара, отнюдь не исчерпанного записью-книгой), но одновременно увидеть в нем человека, позволявшего себе обращаться к книжности как источнику добавочных исторических и художественных сведений, демонстрируя тем самым особенную личностную приверженность историографии. Кириша Данилов в этом качестве предстает человеком, не отрешенным от грамотности. Он владел усредненным, но несомненным уровнем-навыком распоряжения входившим в его память письменным словом. От певца можно было бы ожидать не только диктовки хранимых его обширным воображением текстов, но и певческих

¹ Путилов Б. Н. Сборник Кириши Данилова и его место в русской фольклористике // Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым. 2-е доп. изд. / Подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977. С. 383 (далее ссылки на это издание Сборника обозначаются в тексте с указанием страниц — КД 1977). В случае необходимости следуют также ссылки на более полное издание книги: Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым / Под ред. А. А. Горелова. СПб., 2000 (КД 2000); тексты здесь заново сверены с оригиналом: РНБ. ОР, Ф. XIV, ед. хр. № 62. Либо предлагается цитирование полной текстовой параллели к оригиналу, выполненной средствами новой орфографии в изд.: Горелов Александр. В поисках легендарного Кириши Данилова. Книга пути. СПб., 2011. Ч. II.

подключений при их надиктовывании другому лицу, вплоть до применения самозаписи.

Исторические познания и пристрастия Кирши Данилова (Кирилла Даниловича, Кирши Даниловича) побуждали его — певца и музыканта, импровизатора по типу исполнительства — к воспроизведению, творческому повторению его личных редакций песнопений исторического рода. Индивидуальность словесных текстов при этом закреплялась, цементировались, сплавлялись в духовном тигле личности неповторимые версии традиционных народных сюжетов. Устное исполнение, систематическое воскрешение авторских редакций давало устойчивость тому, что являлось на деле личной огранкой фольклорных произведений. Самобытные сказительские варианты, содержавшие специфические книжные привнесения, насыщались при их дублировании певцом шаблонами индивидуальной устной «техники», целиком и полностью ориентированной на общие стандарты фольклора. Соединяясь с ходовыми народно-поэтическими приемами, индивидуальные внефольклорные прибавки и поправки получали общую фольклорную характеристичность (обретали формульность, сочетались и сливались с фольклорными лексикой и стилистикой, поддерживали органично-фольклорные колебания напева, ритмического рисунка текстов и т. д.).

Врастание текстов обновленного вида в фольклорную стихию создавало и сохраняло индивидуальный «почерк» внутри фольклорного комплекса песен. При переводе известных певцу устных произведений в оформлявшиеся записи (это могло совершаться им собственноручно или при корректирующем его вхождении в область диктовки текстов) творческий процесс непрерывно правила «авторская» воля. То была оглядка носителя данного репертуара на удерживаемые в его сознании элементы известных ему исторических и литературных сочинений. Следствием оказывалось осторожное, в ряде случаев весьма продуманное оперирование заимствованными из книжности историческими, фактологическими реалиями, крупными непривычными для фольклора терминологическими привнесениями. Последние подчас несли в обычную стилистику и фактографию массовой традиционной поэзии ощутимую инородность.

В устном исполнении происходил сложный синтез исторических певческих познаний фольклорного и внепесенного происхождения, внедрение изустно-легендарных внепесенных сведений в старинную поющую поэзию и подчинение этих сведений ее канонам. Сюжетные версии известных произведений обретали уникальность: появлялись новые редакции давно любимых народом песен. Певец по-своему распоряжался трафаретами-фрагментами достаточно стабильных композиций, творя оригинальные собственные трактовки перекликавшихся сюжетов, имевших общие события, общих героев. Так мыслится творческий про-

цесс, давший России то, что мы имеем, — книгу-феномен народного культурного извода.

* * *

Направленность внимания Кириши Данилова на волновавшие и его самого, и его народную аудиторию фигуры деятелей реальной истории привела, между прочим, к тому, что в составе Сборника оказались четыре популярные песни об Иване Грозном. Четыре сюжета создают малый цикл.

В соответствии с хронологией царствования Ивана IV цикл должен был бы разместиться в такой последовательности составляющих слагаемых:

1. «Взятие Казанского Царства» (текст № 30 Сборника);
2. «Мастрюк Темрюкович» (№ 5);
3. «Никите Романовичу дано село Преображенское» (№ 45);
4. «Ермак взял Сибирь» (№ 14).

Это песни о четырех десятилетиях правления Ивана IV (1550-е, 1560-е, 1570-е, 1580-е гг.). Такой последовательности в размещении песен нет, певец руководствовался принципом неожиданной, контрастной (и потому более художественно впечатляющей, более привычной устному исполнителю) передачи своих сюжетных накоплений, лишь изредка ставя вплотную событию перетекающие друг в друга сюжеты (например, «На Бузане-острове» и «Ермак взял Сибирь»; № 13 и 14).

В редакциях песен о Грозном — действующем лице, закрепившихся в Сборнике Кириши Данилова (впрочем, как и в сумме других текстов книги с преобладанием исторических сведений), наличествуют единые, историографически «перемолвливающиеся» черточки, необычные для остального фонда известных записей. Есть здесь упоминания или умолчания, свидетельствующие об особенной взвешенности, расчетливой подаче именно исторических характеристик в устах и под пером автора-составителя книги. Они несводимы исключительно к стихии фольклорной репродуктивности, в которую был погружен певец.

* * *

Песня «Взятие Казанского Царства» являет не только редкостную, но и в высокой степени стройную организацию сюжета: элементы текста соподчинены понятию-термину «царство» и как бы озарены его блеском. Перед нами сжатая песенная версия того, как «великой князь московский» совершил победоносный поход на Казанское Царство и приобрел в результате военного одоления казанского царя право на соединение под своей эгидой двух царств — Московского и Казанского, на личное утверждение в новом властно-государственном статусе, с естественным присвоением при этом высших властных регалий прежнего казанского монарха — «царской короны», «царской перфицы» (порфиры), «царского

костыля» (скипетра). Песня расценивает свершившееся как красугольный момент московской истории, находя для выражения народного восторга, ликования по сему поводу формулу оригинальнейшую:

Что тогда-де Москва основалася,
И с тех пор и великая слава!
КД 1977, 152 (разрядка наша. — А. Г.).

С Ивана IV-царя, с его победы над Казанью, которая в песне предшествует воцарению «осударя» — великого князя, только и начинается подлинная история Москвы, ибо это начало новой московской репутации — «великой славы».²

В подлинной истории XVI столетия далеко не все выглядело так, как в песне. Активные действия Москвы против Казани при Иване IV, продолжившем политику своих деда и отца, начались в 1545 г. По словам современника, пережившего казанский плен, «беды» Руси и «православным крестьяном» были в ту пору «паче Батыя»,³ война становилась лютой неизбежностью. Что же касается титула царя, то Грозный принял его в разгар шедшей кампании, задолго до победного ее исхода. Собственной персоной в казанский поход государь выступил и того позже — в 1552 г., когда официально Иван IV именовался одновременно и царем всея Руси и великим князем московским.⁴

Титулования московского «сударя» (государя) «великим князем» не знает ни один фольклорный песенный текст о Грозном, кроме записи «Взятъя Казанского Царства» у Кирши Данилова. Нигде более

² Известна в записи XVIII в. и еще одна экстатическая гипербола, где для певцов неразъемлемы начало Москвы, воцарение Ивана Грозного и казанская военная слава русского царя:

«Зачиналась каменна́ Москва —
Зачинался в ней и Грозный Царь:
Он Казань-город на славу взял,
Мимоходом город Астрахань».

(Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Кн. III, т. X. С. 151, со ссылкой на источник: Новиков Н. И. Новое и полное собрание российских песен. М., 1780. Ч. I). Пунктуация наша. Позднее песня печаталась В. Ф. Миллером с публикации посредника как оригинальная запись 1872 г. из Оренбурга (см.: Исторические песни XII–XVI вв. / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. С. 208–209 и 648 (далее см. ссылки на это издание: ИП, с указанием страницы или номера текста)).

³ Казанская история / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1954. С. 75.

⁴ См. текст большой государственной печати Ивана IV: Буцик Л. П. Иллюстрированная история СССР. XV–XVII вв. М., 1971. С. 150.

нет и фиксации факта превращения «великого князя» в «царя» после и вследствие Казанской батальной эпопеи:

И в то время князь воцарился.

КД 1977, 151,

хотя и здесь лексема «царь» вырастает в глагольную форму, но не имеет буквальной формы реализации в подразумеваемом существительном («царь»).

В некоторых своих ключевых наименованиях Московского государства песня опережает финал: в поход на Казань отправляется «великий князь», однако Москва уже названа «сильным Московским Царством», как если бы это происходило после вступления Ивана Васильевича на царский престол.

Если анахронизмы перенесения термина «Московское Царство» на более раннюю стадию — не редкость и для литературных памятников Древней Руси,⁵ то упоминание «Царства Московского» в начале текста, видимо, следует отнести к кругу речевых фольклорных клише, не всегда согласованных с авторскими исполнительскими привнесениями. «Московское Царство» — нарицание государства «Русь», как «Казанское Царство» — в той же песне — именование другого государства.

Финальное же фактическое объявление и именование русского государя царем — момент концептуальный, а потому акцентированный: он соответствует практике эпохи — приобщению к титулу московского самодержца титулатуры земель, встраивавшихся в здание воздвигавшегося Московского Царства.⁶

* * *

От констатаций, связанных с пониманием текста песни Кириши Данилова «Взятие Казанского Царства», естественно совершить шаг к уяснению характера контактирования певца с терминологическим титульным набором стереотипной лексики его времени для уяснения, опознания того, насколько свободно певец сказитель оперировал некоей специфической словесностью.

Иерархически наивысший властный государственный титул («царь», «император») с целым комплексом местноземельных титулований был

⁵ Например, «Сказание вкратце... о взятии царства Казани...» (по списку конца XVI в.) повествует: «Умре же князь великий московский Иван Васильевич (Иван III. — А. Г.) борзо по измене казанской... и приказа по себе царство Московское сыну своему Василью Ивановичю»: Казанская история. С. 61. Разрядка наша.

⁶ Современник Грозного отмечал в истории его правления процесс накопления титулов, вследствие которого московский царь уже величался собирательным «титулом и именем областей и многочисленных великих княжеств» (*Гваньини Александр*. Описание Московии. М., 1997. С. 93, а также с. 23, 27, 31, 33, 43, 45, 51).

в середине XVIII столетия — в период составления Сборника Кирши Данилова — формулой титула официальной, фразеологически нормативной, при том расхожей в обыденно-вседневной деловой письменности, в документалистике. Иначе говоря, главный личностный титул был доступен и для низов общества либо в виде публикации (для прямых грамотеев), либо в виде восприятия на слух (особенно при сильной индивидуальной слуховой памяти) публичных оглашений. По этим причинам и у мастеров пения возникала требовательность к точному оперированию терминологическими клише и их подобиям, воспринимавшимся как титулования-подлинники, которые не подлежат изустным искажениям, упрощениям, сокращениям. Они требуют соблюдения их формы — пусть даже архаической — для сохранения подлинности передачи самих исторических событий. Вот откуда идут детали исторической точности, о которых писал Б. Н. Путилов. Регулятором поддержания нормативности при передаче титулов выступали литературно-исторические памятники, к которым вела певцов грамотность. Признаки последней безусловно наличествуют в Сборнике Кирши Данилова.⁷

Обратим и сегодня внимание на уважительную аттестацию в Сборнике ряда персонажей в связи с их причастностью к книжно-культурной практике. Штрих почтительности в начале текста былины «Алеша Попович» (текст № 20) несомненен. Здесь главный герой обращается к своему партнеру-спутнику богатырю Екиму Ивановичу так, что самое обращение уже выделяет Екима: он назван «в грамоте поученным человеком».

Укажем и другое. Былинные стандарты-описания обучения грамоте даровитых отпрысков тех или иных богатырских либо царственных, знатных, известных фамилий (таковы в произведениях Сборника Волх Всеславьевич, Добрыня Никитич, «Костентин Саулович», Василий Буслаев) имеют одну особенность. В описаниях выделены как заведомо *этапные* для персонажей их переходы от получения «в наук» грамоты общей к стадиям грамотности более высоким — навыкам-умению «пером писать» («И писать научился»)⁸. Иногда как черта массовой культурности в Сборнике фиксируется способность населения читать разбросанные по городу «ярлыки скорописчатые». В связи с чем, например, новгородцы — жители «вулиц

⁷ На этом тезисе в свое время настаивал и от него не видит причин отказываться сегодня автор данной статьи (*Горелов Александр*. В поисках... Ч. I. С. 62–70), считая, что «безразмерное» введение данных Сборника Кирши Данилова в простонародный контекст означает утрату подлинности облика книги.

⁸ «А грамота ему в наук пошла. Присадила пером ево писать — письмо Василью в наук пошло» — № 10; «А грамота Никите (оговорка певца: речь идет о «Добрыне». — *А. Г.*) в наук пошла — присадила его матушка пером писать...» — № 48; «А грамота Волху в наук пошла. Присадила его уж пером писать — письмо ему в наук пошло...» — № 6; «...скоро ему грамота далася, и писать научился» — № 26.

широких» и «частых переулочков» сюжета былины о Василии Буслаеве (№ 10) удостоены определения «грамотны люди».

Как своего рода «поклон» грамотности можно расценить фрагмент второй (прозаизированной по своей основе) части песни «Ермак взял Сибирь», где Ермак встречается с «грозным царем» и подает ему «письменное известие обо всем своем походе», а это книжного порядка повествование должно ответить на вопрос Грозного, где Ермак «бывал, сколько по воле гулял и напрасных душ губил», и далее — «каким случаем татарского Кучюма-царя полонил и всю его татарскую силу под... власть» русского царя «покорил» (№ 14).

Наконец, любопытно прослаивающее нарративный текст знаменательное подключение ассоциаций грамотности. В былине о сорока каликах вначале извещается, что у калик есть своего рода кодекс поведения на время путешествия в Иерусалим — «заповедь», «заповедь подписана, белая рученьки» паломников «исприложены» (№ 24). Как только заповедь нарушена (у калик обнаружена коварно подложенная по указанию княгини Апраксевны мнимо украденная каликами «чарочка» князя Владимира), является сообщение, которое может быть понято и как особого рода фразеологизм. Получивший обратно чару Добрыня Никитич (Микитич) или сознает или получает скоропись-подтверждение о каличем наказании виновника: «с ним *написан* виноватой тут».

В тесном соприкосновении с грамотностью действующих лиц оказывается позитивно трактуемая делопроизводственная их искушенность или вовлечение персонажей в узаконенный уклад жизни, с составлением и подписанием деловых бумаг — «порук крепких» (№ 8), «записей крепких», «записей заручных» (№ 10), с осуществлением подписей рук (№ 10 — «Василий Буслаев», № 16 — «Иван Гоудинович»). Так, договор Садко с конкурентами-новгородцами оформлен как «запись» (№ 28). Налицо переключки либо сближенность мотивов *грамоты* и *делопроизводства* как постоянных однопорядковых проявлений культурного поведения героев, воздействующих на черты их облика, их качества.

Все это создает впечатление присутствия данного фактора как регулирующего жизнь ее элемента в интеллектуальном мире и поэтическом сознании самого автора Сборника Кирши Данилова. Перед нами сквозное оценочное начало, пронизывающее, а подчас и художественно организующее репертуарную ткань всей песенной книги.

Стилистика титулования персонажей в песенных произведениях Сборника возводима, с одной стороны, к словесной чуткости и общей культуре певца. С другой стороны, она выявляет зависимость носителя песен именно от приобщения к знанию исторических сочинений (повести, хронографы и другие жанры), обращавшихся и в народной среде и в не слишком высоко еще поднявшейся над нею вельможной фракции

населения. Этого нельзя исключить даже при гипотетическом ограничении доступности этой литературы для простолюдина, а в частности — для лица, сумевшего в 1740-е гг. подняться до уровня признания его музыкантом и удостоенного привилегированного статуса (именовался хозяевами по имени-отчеству, с «-вичем», и горделиво прилагал это социальное прозвание встречно к себе в автобиографической песне), притом бывшего музыкантом-певцом, который удовлетворял своим искусством запросы крупнейших магнатов Урала и Сибири.

Вновь напомним, что получение Прокофием Демидовым песни о гневе Грозного на сына упоминало как источник категорию ссыльных лиц, оказывавшихся в Сибири за пение «истории на голосу». Вспомним, что любитель исторических сочинений Акинфий Демидов даже бытовые песни Кирши Данилова именовал «историями». Объективно выявленный исследователями исторический «крен» Сборника — реальность, подкрепляемая дополнительным осознанием того, что певца-музыканта из народа увлекала прежде всего категория памятников искусства, родственная книжности, откликавшейся на эхо истории.

Певческое знакомство с историографией неминуемо должно было разводить между собой, «лимитировать»-упорядочивать соотносительное приобщение песенных эпизодов к терминам титулатуры, имевшим официозную «градуировку», окрашенность под колеры старины.

Ситуативное разведение в песне о взятии Казани Сборника Кирши Данилова — разведение титулов «великий князь» и «царь» — при конкретных наречениях державного исторического деятеля высшего ранга — факт, с которым историки фольклора обязаны считаться. Знание того, что Иван Грозный был вначале великим князем, а затем стал царем, генерализует сюжетную канву произведения.

В свете учета всего того, что дает Сборник как отражение приятия певцом материала разносортных книг и что влеклось с грамотностью как важнейшая надбытовая осведомленность (учтем и неловкие календарные подсчеты лет Киршей по шкале «сотворения мира», и географические экскурсы певца в мировую демографию — с ошибочным упоминанием расселения народов и народностей, вместе с тем дотошную разработку маршрутных сведений о движении Ермака в Сибирь; и внесение в песни перемены названий городов («Шлюшенбурха» — «Орешек») и изобилие подробностей об исторических событиях разных эпох), — можно с уверенностью сказать: Сборник дает многообразные представления об исторической увлеченности и азарте исторических побуждений певца. В совокупности они выводят нас к осознанию неизбежности самого акта возникновения Сборника Кирши Данилова на основе культурных познаний и тяготений личности, оказавшейся притягательной для двух поколений Демидовых. Ведущая и центральная фигура — Акинфий Никитич Демидов — проявлял

интенсивный интерес к подбору книжности исторического ассортимента, составляя личную библиотеку, где ему оказались нужны и «Степенная книга царского родословия», и собрание народных песен с единством словесного и музыкального потоков.⁹

* * *

В связи с изложенным стоит обратить внимание еще на одно наречение русского державного исторического деятеля высшего ранга. В песне о взятии Казани у Кирши Данилова трижды употреблен имеющий если не титулирующую, то импозантную окрашенность термин «прозритель». По своему прямому значению этот термин — эпитет, означающий высшую проницательность деятеля, способного предвидеть будущее до его наступления. Термин обычно употребляется в песне в однотипно представленном фразеологическом сочетании — «Иван сударь Васильевич прозритель», где «сударь» — апелляция к статусу «государя», который имелся у Ивана IV до его «воцарения». Любопытно, что обращающийся к государю «молодой конанер» называет его «великим сударем», но опускает эпитет «прозритель», словно не видя в великом князе как раз «прозрителя»: он объясняет государю его военно-техническую ошибку. Там, где говорится, что «князь Иван сударь Васильевич прозритель» ошибочно «воспалился» на «канонеров» при задержке порохового взрыва в подкопе-подземелье, слово «прозритель» получает не лишнее иронии звучание. Кирша Данилов не снимает сложности народной оценки «великого князя», как это может показаться на фоне ведущей антитезы: «великий князь» — «царь».

Антитеза достигает тем большей ударности, что взбегающий на казанский холм «великий князь московский» лично ослепляет царя Симеона, взяв с него «корону», сняв «царскую порфиру», приняв в руки «царский костыль»: песня венчается бесповоротным отъятием от казанского властелина всех властных регалий.

Текст произведения в завершающей части как бы усиливает впечатление воздействия литературного или литературно-исторического по своему происхождению мотива «великого князя» тем, насколько это может прослушиваться в финале как книжная художественная или же летописная подсказка.

Тем не менее у нас нет никаких оснований для поисков источников такого рода книжных данных, ибо практически здесь нет словесных терминов с литературными ореолами.

* * *

В качестве дополнения можно сказать, что у песенности с исторической сюжетикой и историческими персонажами неперенная черта — наличие более архаичных (позднее — присутствующих главным образом

⁹ Горелов Александр. В поисках... Ч. I. С. 212.

в старших слоях книжности исторического фонда) словесных обозначений предметов и понятий, которые были давно утоплены в фольклорную стихию и имеют модифицированную природу. Приспособившись к фольклорным традициям, вросши в них, целый ряд терминов исторически отодвинутого времени приобретает вид достаточно просторечный, если не «затрапезный». Из фигурирующих в тексте песни «Взятие Казанского Царства» старых терминов можно выделить как слова с книжным «прикусом» — «порфира», «прозритель», «канонир». Но каждое из них имеет уже массу свидетельств своей фольклоризованности и просторечно-диалектной прописки.¹⁰

Эпизоды регулирующе-смыслового, интерпретирующего воздействие книжности на тексты Сборника Кирши Данилова необходимо принципиально отличать от проникновения узколексических, фразеологических книжных примет. Зона употребления последних, как правило, шире индивидуальной, и оттого они не сохранили в Сборнике отчетливости исконно-книжного облика. У них появилась иная, обновленная природа. Они вливались в Сборник вместе со специфически отформовавшим их фольклором.

Запись песни «Взятие Казанского Царства» имеет в рассматриваемом Сборнике Кирши Данилова все достоинства подлинного фольклорного текста, чьи мотивы, язык, стилистика варьируются в других записях историко-песенных фольклорных произведений. Тем не менее текст названной песни (№ 30) Сборника нельзя не обособить как специфическую версию песни о Грозном под Казанью по причине наличия в этой фольклорной версии явно аккумулярованного титулуемого книжного элемента.

¹⁰ См. об этом в работах: *Путилов Б. Н.* Русский историко-песенный фольклор XII–XVI веков. М.; Л., 1960. С. 175, 180; *Горелов Александр.* В поисках.... Ч. I. С. 59–81. Отмечу, что «перфида» («Древних российских стихотворений») и «перфила», «перфильюшка» (дает также этимологический отлет — имя «Перфил»), «порфила», «парфида» других записей (ср.: ИП № 211, 215, 223, 232, 251, 253, 256); см. также «порфиру» (ИП № 217, 264) соответствуют тому, что регистрируют диалектологи («перфильюшку», «перферьюшку») знают онежские говоры: *Словарь русских народных говоров.* Л., 1991. Вып. 26. С. 295). Аналогично обстоит со словом «прозритель» («прозвитель»: ИП № 112, 250, что фигурирует как «прозвитель» и «прозритель» в северных и сибирских диалектах: *Словарь русских народных говоров.* СПб., 1998. Вып. 32. С. 139, 143). Попытка А. А. Зимина вынести слова «канонер», «прозритель» за пределы песенного лексикона (*Зимин А. А.* Из истории посадской идеологии XVII в. (Песни и легенды о взятии Казани) // *Города феодальной России: Сб. статей памяти Н. В. Устюгова.* М., 1966. С. 233), увы, была неубедительна. Эти лексические крупницы «книжной и военной терминологии» вполне органичны песенным текстам. Например, «канонер», «бомбардир» — естественные песенные синонимы «пушкарей» в вариантах песен о взятии Казани из Поволжья и Восточной Сибири (ИП № 50, 74), хотя бы и возможные как словозамены только с Петровской эпохи (*Словарь русского языка XVIII века.* Л., 1985. Вып. 2. С. 107; СПб., 1997. Вып. 9. С. 234).

Песня о взятии Казани не только для нас, но и для Кириши Данилова как носителя репертуара, отраженного его репертуарной книгой, обладает внутри Сборника в цикле произведений о Грозном смыслом песни-предшества, словно бы зачинающей общий рассказ о царствовании первого московского царя.

* * *

Вторая песня о Грозном — «Мастрюк Темрюкович» — хотя она и расположена в книге прежде других воспоминаний о Грозном — излагает событие более позднее, а аттестация государя по причине исторической хронологии действия имеет уже совсем иную формульность. В песне о Мастрюке жизнь протекает «при бывшем вольном царе при Иване Васильевиче» (КД 2000, 65), где мы впервые сталкиваемся с особым титулованием царя («вольный»), которое опять-таки оказывается неизвестно традиционному фольклору о Грозном, но входит в повествовательную ткань данного произведения и известно далее по тексту песни-спутника упомянутого цикла «Ермак взял Сибирь» (№ 14: «Гой еси, вольной царь Иван Васильевич!» — КД 2000, 130).

«Мастрюк Темрюкович» — повествование о том, как в Москву со свитой новобрачной царицы Марьи Темрюковны («триста татариннов, четыреста бухариннов, пятьсот черкашенинов» — КД 2000, 66) появляется государев шурин богатырь Мастрюк Темрюкович. Царский «гость дорогой» намеревается на публичном борцовском поединке не просто позабавить-«потешить» царскую чету, — он мыслит о большем: «хочет Москву загонять, сильно Царство Московское» (КД 2000, 67),¹¹ с ним в русскую столицу внесен вызов всей обрешей силу Москве. Мысли Мастрюка о желании побороться разгаданы при дворе, но шурин и не желает их скрывать. Он «кричит во всю голову, чтобы слышал царь-государь» (КД 2000, 69), обращаясь подчеркнуто к «вольному царю» Ивану Васильевичу: Мастрюк нагло обещает расправиться с русскими борцами: «На ладонь их посажу — другой рукой раздавлю!» (КД 2000, 70). «Вольности» «вольного царя» объявлена нешуточная угроза. Это новая межгосударственная проба, инициируемая агрессивными восточными соседями старого закала. Ведь Мастрюк не только шурин царя, не только лишь брат новой русской царицы. Как родня жены Ивана Васильевича он прибыл из «Золотой Орды».¹² А еще — он — при-

¹¹ «Сильно Царство Московское» здесь — буквальное воспроизведение поэтического стереотипа Кириши Данилова из «Взятья Казанского Царства» (КД 2000, № 30. Ст. 10, 14).

¹² Почти три столетия данничества сочетались для русских князей с возведением на верховные государственные посты с санкции и под патронатом татарских властелинов. См. соответствующие летописные упоминания термина «вольный царь» в аспекте русского данничества в монографии Р. Г. Скрынникова «Третий Рим» (СПб., 1994. С. 18–19).

знанный богатырь: «изошёл... семь городов, поборол он семьдесят борцов и по себе борца не нашёл» (КД 2000, 67).

Однако же борьба в описываемый праздничный день завершается ошеломительным триумфом-торжеством москвитян, имеющих, оказывается, в своей среде «борцов ученых, молодцов похваленных», «славных» (КД 2000, 69–68). На жалостную реплику оскорбленной царицы Иван отвечает как властный государь, действительно «вольный» в своем образе поведения и недвусмысленно проводящий свою независимую политическую линию:

А не то у меня честь в Москве,
что татары-те борются, —
то-то честь в Москве,
что русак тешится!

КД 2000, 71

Кирша Данилов умело позиционно проставляет титулюющий эпитет царя, дорожа его заветным содержанием, и потому всего лишь трижды проносит его на дистанции текста в 239 стихов (безраздельно доминируют «государь-царь», «царь-государь» — 16 случаев: стихи 5–6, 8, 10, 23, 27, 31, 46, 50, 85, 99, 135, 168, 183, 191, 200, 228; «царь» — 11 случаев: стихи 45, 76, 77, 83, 84, 100, 126, 131, 136, 168, 219).

Сюжет демонстрирует обреченность новых попыток иноземного державного унижения Москвы, а тем паче — достижения ее покорности вражескому диктату.

Тот, кто именуется в песне эпитетом-титолом «вольный царь», располагает действительной мощью простонародного московского богатырства, а эта мощь обеспечивает функционирование царской воли.

Кстати сказать, в древнерусской литературе словосочетание «вольный царь» (царь, действующий по всей своей воле, полновластно-независимый, самодержец) известно при назывании именно казанского государя, низложенного Иваном Грозным. При описании власти казанского монарха над Казанью и казанцами «Казанская история» гласила: «Да владеши ты един Казанию всею и нам ты будеши един волный царь...».¹³

Как и в песне «Взятые Казанского Царства», певец распорядился титулюющим эпитетом царя весьма продуманно, расчетливо, рационально.

Завершение песни о Машрюке, подобно песне «Взятые Казанского царства», содержит патриотический акцент, но в данном случае важно отметить: акцент этот возникает в произведении с особого рода исторической эпитетикой, прямо выходя к неведомому пока нам по прямому названию,

¹³ Казанская история. С. 65. Правда, «Казанский летописец» XVI–XVII вв. именуется «вольным» Царство Казанское, а не казанского царя, рисуя последнего зависимым от державной «воли» казанского населения (см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3. С. 17).

но *безусловно литературному* источнику. Можно уверенно говорить, что в двух первых песнях внутреннего цикла о Грозном из Сборника Кириши Данилова налицо — воссоединение, синтез литературного и фольклорного материала при явном организующем стилистическом первенстве фольклорного художественного начала. Весьма существенно, что первообраз знакового царского достоинства титулующего характера взят певцом из литературы.

* * *

Любопытно констатировать, что «государь-царь Иван Васильевич» в рассмотренных двух песенных сюжетах ни разу не назван «грозным». Это нарицание появляется и пускается в ход в песнях «Никите Романовичу дано село Преображенское» (№ 45) и «Ермак взял Сибирь» (№ 14) (см. в № 45 стихи 4, 35, 50, 136, 166, 172, 176, 184, 200, 218, в № 14 стихи и прозаические строки 23, 24, 92, 95, 105, 113–114), где песенные действия монарха позволяют проявляться царской «грозе», притом спроецированы названные сюжеты на процессы в н у т р е н н е й жизни Русского государства, на крутые взаимоотношения самодержца с его подданными, в особенности типичные для эпохи опричнины.

Но эпитет здесь отнюдь не является прозвищем конкретного государя Ивана Васильевича IV, как бы приросшим к царскому имени и «окаменевшим» в известной безотносительности к сюжетным положениям, коллизиям, в которых оказывается историко-песенный персонаж. Форма употребления эпитета «грозный» у Кириши Данилова указывает на то, что перед нами не дублетное, приименное общепризнанно-народное прозвание, но этикетный атрибут царского титула. Неотрывность эпитета «грозный» от высшей государственной ступени как таковой (царь, король, государь) выявляется при обращении еще к двум произведениям Сборника, не относящимся к циклу о царе Иване Васильевиче. «Грозна сударя Петра Алексеевича»¹⁴ упоминает историческая песня про атамана Фрола Минеевича (№ 70, стих 34). «Грозного короля» Золотой Орды Етмануила Етмануиловича знает былина о Дунае-свате (№ 11, стихи 39, 65, 98).

Русская среда, окружающая в песнях о Грозном царя, пользуется у Кириши Данилова обращениями «грозна царь Иван Васильевич», «грозна царь Иван Васильевич», сохраняющими ритмически-стиховой посыл.

¹⁴ Эпитет уникален для песенности о Петре I и более нигде в ней не встречается (см.: Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971), как, впрочем, неизвестен он в песнях и применительно к другим российским государям (см.: Исторические песни XVII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966; Исторические песни XIX века / Изд. подгот. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973).

Лишь дважды в прозаизированном фрагменте текста «Ермак взял Сибирь» эпитет «грозный» оказывается в постпозиции («царю грозному») — в инверсированной формуле, также равняющейся на стихи. В отличие же от этикетного эпитета, прозвище, соединяясь с именем царя, должно было бы не только смещаться в постпозицию, а и обретать ощутимую семантическую акцентированность (звучать как «царь Иван Васильевич Грозный» либо — упрощенно, расхоже — в краткой, устно-разговорной форме: «Иван Грозный»).

При рассмотрении случаев употребления термина-эпитета «грозный» у Кириши Данилова обнаруживается: певец улавливал пределы допустимого и недопустимого употребления царского эпитета и бдительно соблюдал этикетность его применения (она вообще более постоянна в литературных, нежели фольклорных памятниках), он рассчитывал, насколько уместен эпитет на фоне описываемых событий. В одном случае он оказался на черте соединения внутривосударственного и внешнеполитического толкования термина.

Да в старые годы, прежняя,
во те времена первоначальныя,
когда воцарился царь-государь,
а грозны царь Иван Васильевич,
что взял он царство Казанское,
Симеона-царя во полон полонил
с царицею со Еленюю,
выводил он измену из Киева,
что вывел измену из Нова-города,
что взял Рязань, взял и Астрахань.

КД 2000, 281

Сквозь общую призму упоминания о выведении новгородской «измены» аналогичной, стало быть, может мыслиться и результативность казанской акции, а вместе с ними получают положительную характеристику и вообще все шаги Москвы по централизации русских и присоединению сопредельных земель.

Как и в вариантах «Взятья Казани», «Мастрюка», в песне «Никите Романовичу дано село Преображенское» наблюдается дифференциация титулования Ивана Грозного, в чем нельзя не усмотреть потаенного литературного регулятора устности. И здесь опять-таки нельзя отвергнуть воздействие внепесенной историко-культурной осведомленности исполнителя песен на редакцию его текстов.

Это касается, между прочим, и того терминологического закрепления финала песни про гнев Грозного на сына, где (только здесь!) исход в Микитину вотчину, право безопасности обеспечивается введением ссылки на «грамоту тарханную».

Само по себе завершение вариантов песен о Грозном и сыне — своей попыткой спасти людей от наказаний (и преступников подлинных, и невинно осуждаемых лиц) в особой боярской вотчине (земле, городе, даже особенных улицах Москвы) очень напоминает библейский мотив о градах-убежищах с соответствующим правом на спасение (Числ. 35: 11–15, 23–28). Однако тарханы — несудимые грамоты были реальностью эпохи Грозного. Так, например, в 1564 г. Г. А. Строганову была выдана государева охранная грамота: «Его городка людей и деревенских не судите ни в чем; и праветчики (осуществлявшие правежи. — А. Г.) и доводчики и их людем не въезжати ни по что; а ведает и судит Григорий своих слабожан сам во всём».¹⁵ Тот книжный подтекст, который так или иначе просматривается практически во всех песнях Кирши Данилова об Иване Грозном, является фактом специфического исторического пристрастия певца. Культивируемая им ориентация на связь с книжностью и опора на книжность выводят нас к неизбежности признания влияния книжного исторического материала в масштабе комплекса «Древних российских стихотворений». Книжная ассоциативность опровергает элементарные показания документов, рожденных в недрах уральских канцелярий, — показаний, отнюдь не способных конкурировать с аргументами народной книги.

Не очень давно в числе новых доводов на старую тему возникло сообщение, что в 1759 г., во время работы следственной комиссии о пришлых работниках демидовских заводов, один из крепостных поставил свою подпись под бумагой, которую должен был подписать Кирша Данилов, но которую он не мог подписать по неграмотности.¹⁶ Доверие к документу, тиражированному в нескольких экземплярах и для других лиц, в случае согласия с ним означало бы тотальное недоверие ко всему тому художественному содержанию, что несут в себе «Древние российские стихотворения».

Экспертиза ложных, сомнительных или загадочных данных — часть исследовательского труда. Непроясненные реальности будут и впредь сопровождать поиски истины. Для преодоления колебаний в существующих и возникающих гипотезах от нас потребуется здоровое взвешивание аргументов, углубление в фактографию, дающую историческую правду-достоверность.

Литература:

- Байдин В. И.* Тайна авторства Сборника Кирши Данилова // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. 2010. № 4.
- Буцик Л. П.* Иллюстрированная история СССР. XV–XVII вв. М., 1971.
- Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962.

¹⁵ *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962. С. 277.

¹⁶ *Байдин В. И.* Тайна авторства Сборника Кирши Данилова // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. 2010. № 4. С. 84.

Гваньини Александр. Описание Московии. М., 1997.

Горелов Александр. В поисках легендарного Кирши Данилова. Книга пути. СПб., 2011. Ч. I, II.

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. / Подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977.

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Под ред. А. А. Горелова. СПб., 2000.

Зимин А. А. Из истории посадской идеологии XVII в. (Песни и легенды о взятии Казани) // Города феодальной России: Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966.

Исторические песни XII–XVI вв. / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960.

Исторические песни XVII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966.

Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971.

Исторические песни XIX века / Изд. подгот. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973.

Казанская история / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1954.

Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Кн. III, т. X.

Новиков Н. И. Новое и полное собрание российских песен. М., 1780. Ч. I.

Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XII–XVI веков. М.; Л., 1960.

Путилов Б. Н. Сборник Кирши Данилова и его место в русской фольклористике // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. / Подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977.

Скрынников Р. Г. «Третий Рим». СПб., 1994.

Словарь русских народных говоров. Л., 1991. Вып. 26.

Словарь русских народных говоров. СПб., 1998. Вып. 32.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3.

Словарь русского языка XVIII века. Л., 1985. Вып. 2.

Словарь русского языка XVIII века. СПб., 1997. Вып. 9.

Аннотация: А. А. Горелов — крупнейший исследователь Сборника Кирши Данилова и биографии его автора — анализирует тексты четырех песен Сборника, сюжет которых относится к эпохе Ивана Грозного: «Взятие Казанского Царства», «Мастрюк Темрюкович», «Никите Романовичу дано село Преображенское» и «Ермак взял Сибирь». Анализ именований государя в этих песнях позволяет ученому показать особенности индивидуального стиля К. Данилова, восходящие к книжной культуре его времени, в первую очередь — к исторической тематике.

Ключевые слова: Песни об Иване Грозном, книжность и народная традиция, Кирша Данилов.

A. A. Gorelov (St. Petersburg). Ivan the Terrible in the songs from a Kirsha Danilov Collection.

A. A. Gorelov — the largest researcher Compendium Kirsha Danilov and biography of its author — analyzes four song texts in this Collection, the plot of which belongs to the era of Ivan the Terrible: «The Conquest of Kazan», «Masteryuk Temryukovich», «Nikita Romanovich is granted the village of Preobrazhenskoye» and «Ermak conquered Siberia». Analysis of the naming of the sovereign in these songs allows the scientist to show Kirsha Danilov's specific style features dating back to the book culture of his time, in the first place — to the historic theme.

Keywords: Songs about Ivan the Terrible, book culture and folk tradition, Kirscha Danilov.

References:

Bajdin V. I. Tajna avtorstva Sbornika Kirshi Danilova // Nauka. Obshchestvo. Chelovek. Vestnik Ural'skogo otdelenija RAN. 2010. N 4.

Bushhik L. P. Illjustriruvannaja istorija SSSR. XV–XVII vv. M., 1971.

Drevnie rossijskie stihotvorenija, sobrannye Kirsheju Danilovym. 2-e dop. izd. / Podgot. A. P. Evgen'eva i B. N. Putilov. M., 1977.

Drevnie rossijskie stihotvorenija, sobrannye Kirsheju Danilovym / Pod red. A. A. Gorelova. SPb., 2000.

Gorelov Aleksandr. V poiskah legendarnogo Kirshi Danilova. Kniga puti. SPb., 2011. Ch. I, II.

Gvan'ini Aleksandr. Opisanie Moskovii. M., 1997.

Istoricheskie pesni XII–XVI vv. / Izd. podgot. B. N. Putilov, B. M. Dobvol'skij. M.; L., 1960.

Istoricheskie pesni XVII veka / Izd. podgot. O. B. Alekseeva, B. M. Dobvol'skij, L. I. Emel'janov, V. V. Korguzalov, A. N. Lozanova, B. N. Putilov, L. S. Sheptaev. M.; L., 1966.

Istoricheskie pesni XVIII veka / Izd. podgot. O. B. Alekseeva i L. I. Emel'janov. L., 1971.

Istoricheskie pesni XIX veka / Izd. podgot. L. V. Domanovskij, O. B. Alekseeva, Je. S. Litvin. L., 1973.

Kazanskaja istorija / Podgot. teksta, vstup. stat'ja i primech. G. N. Moiseevoj. M.; L., 1954.

Karamzin N. M. Istorija gosudarstva Rossijskogo. M., 1989. Kn. III, t. X.

Novikov N. I. Novoe i polnoe sobranie rossijskih pesen. M., 1780. Ch. I.

Putilov B. N. Russkij istoriko-pesennyj fol'klor XII–XVI vekov. M.; L., 1960.

Putilov B. N. Sbornik Kirshi Danilova i ego mesto v russoj fol'kloristike // Drevnie rossijskie stihotvorenija, sobrannye Kirsheju Danilovym. 2-e dop. izd. / Podgot. A. P. Evgen'eva i B. N. Putilov. M., 1977.

Skrynnikov R. G. «Tretij Rim». SPb., 1994.

Slovar' russkih narodnyh govorov. L., 1991. Vyp. 26.

Slovar' russkih narodnyh govorov. SPb., 1998. Vyp. 32.

Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. M., 1976. Vyp. 3.

Slovar' russkogo jazyka XVIII veka. L., 1985. Vyp. 2.

Slovar' russkogo jazyka XVIII veka. SPb., 1997. Vyp. 9.

Vvedenskij A. A. Dom Stroganovyh v XVI–XVII vekah. M., 1962.

Zimin A. A. Iz istorii posadskoj ideologii XVII v. (Pesni i legendy o vzjatii Kazani) // Goroda feodal'noj Rossii: Sb. statej pamjati N. V. Ustjugova. M., 1966.